

УДК 94(71)''1918/...''
ББК 63.3(7Кан)6

**ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ
КАНАДСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ В КАНАДЕ В НАЧАЛЕ XX в.**

Соков Илья Анатольевич

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения
Волгоградского государственного университета
nsh@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются политические воззрения канадских интеллектуалов, оказавшие влияние на особенности формирования канадской политической культуры в конце XIX– начале XX века. Автор утверждает, что в условиях становления канадской государственности, неразвитой партийно-политической системы, отсутствия глубоких традиций парламентской системы, недостаточной политической практики, отсутствия выраженной идеологии основных политических партий на процесс формирования канадской нации канадская интеллектуальная мысль была основным идеологическим фактором, оказывающим влияние на политическую культуру этого периода.

На основе изучения канадских источников автор делает вывод о том, что большинство канадских интеллектуалов прямо не участвовали в политическом процессе, считая себя его наблюдателями. Кроме того, канадские интеллектуалы продвигали британскую политическую культуру эпохи викторианства. Хотя все они были знакомы с британской социалистической мыслью – фабианством, но социальное преобразование в канадском обществе они рассматривали только лишь через повышение морали, образование низших классов и соблюдение элитарных монархических устоев. Американское же влияние на канадскую политическую культуру начала XX в. было периферийным, идеи Чикагской социологической школы были не востребованы, как и не востребована европейская континентальная мысль. Свое время интеллектуалы-викторианцы воспринимали как социальный кризис, а их политическими темами чаще всего становились проблемы империализма, религии, образования и феминизма. Безусловно, они оказывали определенное влияние на канадскую политическую элиту в вопросе дальнейшего развития канадской нации и государства, но выражали свои собственные уникальные представления о современном обществе в академической прессе и в дебатах

элитарных клубов. Они не разделяли взгляды широкой общественности на идущие социальные процессы, поэтому их позиция была далекой от прямой партийной политики. Однако некоторые из них участвовали как эксперты в правительственных комиссиях и в международных организациях и, тем самым, косвенно влияли на принятие политических решений практикующими политиками.

Считая себя больше «наблюдателями» идущих социальных процессов, канадские интеллектуалы-викторианцы все же создали предпосылки для плавного эволюционного перехода к политике социального реформирования, развития уникальной канадской либеральной традиции и создания общества всеобщего благоденствия в середине XX века.

Ключевые слова: канадская политическая культура, канадская интеллектуальная мысль, канадская политика, имперская федерация, коммерческий союз, национализм, канадская государственность.

Возвращаясь к вопросу об истоках создания канадской либеральной традиции, следует признать, что нельзя понять ее вектор развития без рассмотрения и анализа влияния на нее канадской интеллектуальной мысли в конце XIX – начале XX века.

В свою очередь, выяснение роли и влияния канадской интеллектуальной мысли на политические процессы, шедшие в этот период, важно для выяснения особенностей формирования и эволюции политической культуры в Канаде, а также для понимания выбора и пути социально-политического развития канадского общества в XX веке.

Здесь, следует отметить, что данная проблематика не изучалась в отечественной историографии глубоко и системно, и поэтому настоящая статья представляет собой первый опыт российских канадских исследований в этом направлении.

Начнем с того, что к началу XX в. в доминионе Канада сложилась определенная политическая культура, обусловленная ее предшествующей историей колониального периода, периодом создания и развития под патронажем Великобритании государственности, эволюции политической системы и политического режима, «окрашенных» франкоканадским фактором, а также другими политическими процессами. Но так как задачей настоящей статьи не является полная характеристика и состояние канадской политической культуры к рассматриваемому периоду, то они опущены.

В то же время, автор вынужден отметить некоторые нюансы прошлого, чтобы

был понятен исторический контекст рассматриваемой проблемы.

Созданная Великобританией канадская государственность Актом о Британской Северной Америке 1967 г., предполагала, прежде всего, учреждение основных институтов канадской конфедерации. Этот документ включал институциональный и правовой компоненты политической системы. Учет культурного компонента (существующей на тот момент политической культуры, политической и религиозной идеологии, гражданских, политических и бытовых традиций, исторического опыта и накопленных национальных ценностей) отражался в этом документе не в полной мере.

А учитывая слабость партийной системы и политической практики в силу ее недавнего зарождения и идущего процесса формирования, а также недостаточно развитых политических отношений в обществе, роль канадской интеллектуальной элиты неизмеримо возросла, и она соответственно, оказывала существенное влияние на становление политической культуры в Канаде.

В целом, политическая культура периода создания и начального этапа эволюции канадской государственности (от лорда Дарема до Маккензи Кинга), согласно канадскому исследователю Жану Маккею [16, р. 377], характеризуется укреплением идеологии британской версии – викторианского классического либерализма. Мы бы добавили с определенными североамериканскими особенностями, связанными с канадским историческим прошлым (основанием Новой Франции, ее британским завоеванием и установлением бри-

танского порядка, совместного англоканадского и франкоканадского проживания и взаимного влияния друг на друга, совместного территориального продвижения вглубь континента и культурного освоения от Атлантического до Тихого океана и т. д.); канадскими традиционными политическими ценностями, которые способствовали становлению общественного консенсуса, (в лице британского торизма и французского клерикального феодализма до событий 1837 г., а после достаточно быстрого продвижения идей викторианства и классического либерализма); созданием новой для той эпохи формы государственности – доминиона, на основе политического консенсуса канадских бикультурных политических элит и признанием парламентской монархии как основной формы государственного устройства; особой политической социализацией, которая реализовывалась сначала через общенациональный национализм, затем англоканадский и франкоканадский национализм, канадский феминизм, канадское движение трезвости, канадский пацифизм и другие идеи.

Неустойчивость канадской политической системы и неразвитость политической культуры всей второй половины XIX в. обусловлена не только множеством факторов политического характера, указанных выше, но в том числе и факторов географического, демографического и даже климатического порядка. Известно, что формирование канадской нации шло за счет притока значительного числа иммигрантов и их территориального расселения, как писал Дж.М. Грант, «от океана до океана» и «нация, чтобы быть великой должна была иметь великие мысли и высокие идеалы; должна была иметь мужчин и женщин, готовых работать, ждть и воевать ради идеи» [4, р. 347].

Эти иммигранты, как «фрагменты» [7, р. 145] другой политической культуры (сначала европейской, а затем и азиатской культур), несли с собой иные представления и ценности, чем уже были сложившиеся канадские традиции и имевшийся исторический опыт прошлых поколений. Кроме того, размещение иммигрантов в западных провинциях Манитоба, Саскачеван, Альберта и Британская Колумбия происходило неравномерно вдоль 49-й параллели на узкой полоске земли шириной не более 100 км., в поселениях

значительно отстоящих друг от друга, и поэтому, имевших очень слабую экономическую, культурную и социальную взаимную связь и взаимозависимость.

Понятно, что власть видела в этом угрозу развала федерации изнутри, и поэтому принимала меры по централизации властных полномочий. Кроме того, была и угроза внешней аннексии со стороны США как в силу слабости пограничных поселений, так и неопределенности в демаркации части границ.

В этих условиях позиции канадской интеллектуальной элиты в вопросе необходимости укрепления канадской государственности совпадали полностью с действующей властью (как консерваторами, так затем и либералами), но пути этого укрепления ими виделись по-разному.

Так, Джордж Монро Грант (George Monro Grant, 1835–1902), ректор Королевского колледжа, в Кингстоне, Онтарио считал, что наилучшее будущее для Канады лежит в единстве с остальной частью Британской империи. Написав две работы «Преимущества Имперской федерации» (*Advantages of Imperial Federation, 1889*) и «Наши национальные Объекты и Цели» (*Our National Objects and Aims, 1890*), он создал целую систему идей, которая могла бы поддержать общеканадский национализм. Эта система идей базировалась на принципе национализма. Дж.М. Грант считал, что «поколение (его современников. – И. С.) вступило в эру национального единства, национальной гордости и национального духа» [5, р. 350]. Поэтому, по его мнению, необходимо было преследовать три цели:

– стать посредником в создании «имперской федерации» англосаксонских народов, которая бы включала Великобританию, ее доминионы и колонии, а также возможность возвращения США в федерацию британских народов;

– стать посредником между Востоком и Западом как между народами внутри Британского Содружества Наций, так и посредником между европейскими народами и народами, населяющими Североамериканский континент;

– осуществить идею «построения царствия божьего на Земле» на территории Канады.

Для достижения этих целей им была создана «Имперская федеративная лига в Канаде» (*Imperial Federation League in Canada*)

Наиболее последовательным сторонником идей Дж.М. Гранта был Джордж Роберт Паркин (George Robert Parkin, 1846–1922), директор Верхнеканадского колледжа (1895–1902 гг.), организационный секретарь стипендиального фонда Родос (Trust Родос) в течение 1902–1922 гг., написавший несколько работ по проблеме развития канадской нации, в том числе: «Имперская федерация: проблема национального союза» (*Imperial Federation, The Problem of National Unity, 1892*), «Великий доминион: исследования Канады» (*The Great Dominion: Studies of Canada, 1895*).

По его мнению, национальная консолидация могла состояться только при «длительном единстве империи», но этому мешает «провинциализм, который постоянно сопротивляется крупной национальной организации; пессимизм, который видит опасность в каждой новой форме политического развития; антипатия к старой стране с формами правительства, более или менее установленными; грубость политической мысли и отсутствие национальной перспективы в молодых сообществах; невежество, которое порождает инерцию» [17, р. VI].

Находясь на идеалистических позициях, «один из самых известных из забытых канадских интеллектуалов» (*Canada's most famous forgotten man*) по определению современного исследователя Уильяма Христиана [1, р. III] Дж.Р. Паркин полагал, что здоровое и прогрессивное сообщество в Канаде будет достигнуто через высокую мораль и широкое образование граждан, стремящихся не к материальной выгоде или личной славе, а необходимости ответственного служения родине.

Диаметрально противоположную позицию Дж.М. Гранту занимал Голдвин Смит (Goldwin Smith, 1823–1910), оксфордский профессор, историк, политический журналист, который считал, что лучшее будущее Канаду ожидает в «коммерческом союзе» (*Commercial Union*) с континентальным соседом – Соединенными Штатами. Обоснование своей позиции он сделал в работе «Канада и канадский вопрос» (*Canada and the Canadian Question, 1891*).

Суть идеи Г. Смита состояла в том, что Канада, имевшая громадные территориальные размеры и незначительное количество населения, разделенного на четыре региона (Атлантический, Центральная Канада, Северо-запад и Тихоокеанский), была не в состоянии организовать самостоятельно и эффективно свое индустриальное развитие в эпоху промышленной революции.

В условиях удаленности метрополии, но наличия в пограничье сильной индустриальной державы (США) вполне разумно было организовать с ней коммерческий союз, в целях ускорения собственного роста и развития. Причем, эти торговые меридианальные связи, по мнению Г. Смита, могли быть налажены самими регионами с соответствующими американскими штатами, расположенными по ту сторону границы.

Для продвижения своих идей им был создан дискуссионный интеллектуальный клуб «Круглый стол» (*Round Table Club*), заседания которого проходили в имении «Гранд».

Континенталистские идеи Смита были подвергнуты резкой критике членами Имперской федеральной лиги и особенно, Дж.М. Грантом. Смита, бывшего члена общеканадского движения «Канада прежде всего» (*Canada First*), обвинили в отступничестве не только от «Национальной политики» проводимой властью, тремя составляющими которой были: строительство трансконтинентальной железной дороги; установление протекционистского тарифа и территориальное расширение, но и в стремлении сдать Канаду американским аннексионистам. В Обзоре на книгу Г. Смита «Канада и канадский вопрос» Дж.М. Грант прямо написал: «Демократия Соединенных Штатов полностью убеждена в ее собственном превосходстве к остальной части мира и слишком уверена, что Канада, выслушивая некоторое соглашение о Союзе, должна попасть в их рот как зрелая слива в соответствующее время года» [3, р. 22].

Несмотря на диаметрально противоположные точки зрения в «канадском вопросе» Дж.М. Грант и Г. Смит имели много общего в своих взглядах. Они оба: стояли на позициях общеканадского национализма, поддерживая идеи укрепления канадской государственности, федеративного устройства, укрепление международ-

ного влияния Канады и большего меркантилизма (Грант – в составе содружества, Смит – в торговле с США), критиковали национальную политику Дж.А. Макдональда (Грант – за неоправданное финансовое расточительство и коррупцию, Смит – за неоправданное использование финансов на достижение политических, а не торговых целей). К началу XX в. их канадский национализм приобрел антиимпериалистическую и антимилитаристскую окраску.

Все же Голдвин Смит несмотря на то, что продвигал идею континентализма в отношениях Канады с Соединенными Штатами, в своих работах именовал себя «свидетель», «наблюдатель» (bystander) и дистанцировался от тех политиков, которые стремились заключить фритредерское соглашение с США. Но его идеи независимой политики Канады от метрополии дали свои ростки в умах многих последующих действующих политиков. Особое влияние они оказали на франкоквебекского патриота Анри Бурасса и будущего премьер-министра Канады У.Л.М. Кинга.

Следует указать также на то, что за год до смерти Голдвина Смита, в 1909 г. его идея «круглого стола» получила совершенно противоположное содержание с созданием организации «Движение круглого стола» (Round Table Movement) в Великобритании, а затем и в доминионах – созданием филиалов. В Канаде такой организацией была «Группа круглого стола Торонто» (Toronto Round Table Group). Целями этой международной организации было создание имперской федерации с центральным парламентом, но стремление народов доминионов и колоний к независимости в дальнейшем привели к созданию Британского Содружества Наций (см.: [15]).

Развернутая интеллектуалами в обществе полемика о дальнейших путях развития Канады, в вопросе ее большей самостоятельности от метрополии как во внешних, так и внутренних делах на многие годы захватила реальную политику и даже стала причиной смены либерального правительства У. Лорье консерваторами Р. Бордена в 1911 году.

Но спектр канадской интеллектуальной мысли был значительно шире вышеприведенных и очень политизированных идей Гранта-Смита. На формирование политической культуры этого периода значительное влияние ока-

зали интеллектуалы-викторианцы, и их влияние имело свои особенности.

По мнению большинства из них, с наступлением XX века, который общепринято связывать с ростом империализма, колониализма и милитаризма не только классический либерализм, но и вся политическая и социальная жизнь оказалась в кризисе. Осмысление происходящих перемен не укладывалось в известные интеллектуальные конструкции.

Для Канады это было особенно заметно: на смену эпохи викторианства и романтизма пришел век эмпиризма, реализма, практицизма и социальных перемен, объединенных в американской историографии в понятие прогрессивизм.

Представители уходящего века викторианства, какими были канадские интеллектуалы, не могли эти перемены объяснить и пытались больше интуитивно, чем используя какие-то новые теории и методы, отдавать свои силы «поиску новых идеалов» [21, р. 4–5]. Почти все они были из академического сообщества университетов Квебека и Онтарио.

Так, Джеймс Кэппон (James Carron, 1854–1939), профессор английского языка, декан факультета искусств в университете Квинс с 1906 по 1919 г., как пишет С.Е.Д. Шорт «в решении общественных вопросов был решителен, но не фанатичен. Он часто говорил: «Я буду бороться, но не буду ссориться» [21, р. 62]. В политических предпочтениях Дж. Кэппона можно назвать консерватором-идеалистом. После окончания Первой мировой войны, Джеймс Кэппон написал своему другу У.Л. Гранту (W.L. Grant): «Я не знаю, что вы чувствуете о текущем состоянии вещей, но я должен время от времени бороться против тенденции к депрессии. Мы, кажется, достигли декадентских дней той большой коммерческой цивилизации среднего класса, которая столь гордилась собой... даже двадцать лет назад... мы думаем о прогрессе... который является просто движением больного к своей больничной койке... Другая половина представляет постепенное продвижение к рабочей цивилизации, в которой, какое-то время, по крайней мере, более высокие элементы перенесут ухудшение своего состояния» [21, р. 65].

Дж. Кэппон считал, что «к двадцатому веку... свобода либерализма выродилась в

тупой материализм утилитаризма, и общество, превратившееся в огромную уродливую однородную структуру, основанное в значительной степени на системной жадности и вымогательстве, потеряло полностью контакт с культурными или гуманитарными идеалами прошлого» [21, р. 68]. Поэтому, по его мнению, следовало ограничить свободу, используя «мудрый консерватизм».

Политическая мысль Дж. Кэппона была сосредоточена в значительной степени на проблеме соотношения свободы личности и равенства с социальным единством и высокими культурными стандартами. Его взгляд на устройство политического общества был основан на концепции свободы, которая подчеркивала порядок, постепенные изменения и органическое единство всех элементов общества – правителей, интеллектуалов и людей. По его мнению, только развитие культуры могло способствовать равносному развитию общества, а культурные идеалы – создать образцовое государство и демократию. Разрешение конфликта между трудом и капиталом Дж. Кэппон видел в образовании рабочих, которое в свою очередь могло дать более высокие шансы, чтобы достичь положение в обществе: «Старый идеал образованности – ученый, новый идеал – гражданин, который является успешным торговцем, фермером или инженером» [ibid., р. 72].

Джеймс Мейвор (James Mavor. 1854–1925). Мейвор родился в Стренреере (Stranraer), в Шотландии, старшим в семье из девяти детей. Отец был местным проповедником, мать – дочерью морского капитана Данди (Dundee), свое детство провела в России, о которой много рассказывала своим детям.

Дж. Мейвор получил религиозное и светское образование. Эта дуальность образования способствовала проявлению его интереса к социальной работе и исследованиям в политической экономии. В 80-е гг. XIX в., работая редактором технического журнала Индастрис (Industries), издававшегося в Глазго, он исследовал профсоюзное движение тредюнионов, кооперативное движение и роль женщин в общественном труде, и пришел к выводу, что рабочий человек переносит невыносимые тяготы в своей жизни.

В 1884 г. Дж. Мейвор присоединился к Социальной Демократической Федерации (Social Democratic Federation), а позже стал лидером отделения Социалистической Лиги (Socialist League) в Глазго, основанной его другом Уильямом Моррисом (William Morris, 1834–1896).

В 1892 г. в связи с переездом Уильяма Дж. Эшли в США Дж. Мейвор был рекомендован заведующим кафедрой политической экономии в университет Торонто, как лучший из «десяти или двенадцати самых выдающихся английских экономистов» [14, р. 310].

В начале 90-х гг. XIX в. Дж. Мейвор стал соучредителем «Круглого Стола», организованного Годвиным Смитом, а в 1912 г. – руководителем Канадской Ассоциации Политологии (Canadian Political Science Association). Диапазон интересов Мейвора был отражен в его академических публикациях: от искусства до экономики, среди которых была «Прикладная экономика» (*Applied Economics, 1914*), «Российская революция» (*The Russian Revolution, 1928*), и «Экономическая история России» в 2-х томах (*An Economic History of Russia, 1914*).

Дж. Мейвор имел собственный взгляд на развитие либерализма в Канаде и считал порочным вмешательство и участие государства в структурных проектах канадской экономики, изложив эти мысли в двух книгах: «Правительственная телефонизация: опыт Манитобы, Канада» (*Government Telephones: The Experience of Manitoba, Canada, 1916*), и «Ниагара в политике: критический отчет гидроэлектрической комиссии Онтарио» (*Niagara in Politics: A Critical Account of the Ontario Hydro-Electric Commission, 1925*).

Необходимо отметить, что к 1915 г. Дж. Мейвор стал ортодоксальным классическим экономистом, стоящим на позиции капиталистического статус-кво. Не воспринимая социальные реформы фабианства, он посвятил свои дальнейшие исследования статистическим и географо-экономическим вопросам. Эти исследования дали ему возможность выполнять работу правительственного эксперта по различным политическим проблемам. Так, в 1899 г. он выполнил исследование по поручению министра внутренних дел Клиффорда Сифтона о возможности исполь-

зования иммигрантов из стран Восточной и Южной Европы. Несколько позже, выполняя поручение правительства провинции Онтарио, он разработал схемы ответственности британских судовладельцев и канадских работодателей за перевозку, прием и размещение британских иммигрантов с выплатой компенсаций.

Детские познания о России Дж. Мейвора в это время реализовались в поддержке проекта русского князя П.А. Кропоткина о переселении духоборов в Канаду: он лично убеждал К. Сифтона разместить духоборов в западной Канаде с гарантией их освобождения от воинской службы.

Несмотря на то, что в 1884 г. Дж. Мейвор наряду с другими членами Социалистической лиги подписал манифест о «защите принципов революционного международного социализма» он впоследствии стал «шотландцем классической линии Адама Смита» [21, p. 126]. Концепция «рационального капитализма», которой стал придерживаться Дж. Мейвор в конце XIX в. заключалась в ограничении влияния правительства на жизнь общества, всемерное развитие индивидуальных талантов и ответственное расширение своих возможностей бизнесом, использование интеллектуалов и специалистов, в качестве правительственных экспертов для регулирования общественных отношений. По его мнению, обществу требовались максимальная стабильность и эффективность, а не социальные реформы.

Морис Хаттон (Maurice Hutton, 1856–1940) родился в семье англиканского проповедника в Англии. Образование получил там же. В 1880 г. несмотря на протесты нативистов получил должность заведующего кафедрой классики в Торонтском университете, где преподавал последующие пятьдесят лет. В 1901 г. стал директором университетского колледжа и занимал эту должность до своей отставки в 1929 году. В течение 1906 г. исполнял обязанности президента университета, от которых в последствие отказался.

М. Хаттон был регулярным членом «Круглого стола» Г. Смита. Его увлечение греческим языком укрепило в нем не только викторианца, но и демократа в классическом понимании. Всю ответственность за происходящие социальные изменения в начале XX в. М. Хаттон возложил «на глупый эгалитаризм

и безудержное развитие науки» [21, p. 82]. Он также считал, что в политических делах компетентные люди (somebodies) часто были заменены коррумпированными и неосведомленными правительственными чиновниками, состоящими из «пустых и ничтожных людей» (nobodies) [6, p. 286].

Либеральный рационализм М. Хаттона к 1920 г. сделал его систему ценностей анахронизмом. Наступающие времена социального реформирования послевоенного периода, политическая активность нижних слоев общества и ответы правительства на требования дня, заметный рост благосостояния и падение христианской этики – все это никак не укладывалось в модель христианского либерализма М. Хаттона, основанную на трудолюбии, религии, здравом смысле и характере.

По его мнению, патерналистские правительства нового века, ставшие заложниками концепции равенства, не только разрушили старый порядок самоусовершенствования (по терминологии Хаттона – качества жизни) среди бедных, но и чрезмерным налоговым бременем на богатые классы снижали их инициативу, обеспечивая их демократическое избрание через «поспешное большинство» (snap majority) [6, p. 277] и «лозунги-тестирование-обращения-аплодисменты-захват» (catchwords-cat-calls-clap-trap) [6, p. 280].

Его ламентация по прошедшему веку (lament for a passing age) была причиной нарастающей меланхолии, а с его смертью в 1940 г. в Канаде закончилась идеалистическая традиция.

Адам Шорт (Adam Shortt, 1859–1931) получил университетское образование: сначала в либеральном по тем временам университете Квинс, позже в Шотландии, в Глазго, позднее в Эдинбургском университете. В 1889 г. он был назначен библиотекарем университета Квинс, где начал собирать редкие материалы для Канадианы (Canadiana). Постепенно его интересы стали дрейфовать от моральной философии к политической теории, затем к политической экономии и наконец, к экономической истории. В 1893 г. А. Шорт способствовал учреждению Кингстонского исторического общества (Kingston Historical Society).

С 1903 г. Адам Шорт активно сотрудничал с правительством, как эксперт: сначала

он был назначен председателем комиссии правительства Онтарио, чтобы исследовать налогообложение железнодорожных кампаний, затем в комиссию по трудовым спорам федерального правительства, где до 1907 г. он участвовал в 11 заседаниях, и все они закончились примирением сторон.

В 1904 г. он получил интересное предложение от заместителя министра труда У.Л. Маккензи Кинга: написать исследование «Промышленная история Канады», от которого отказался, ссылаясь на занятость в образовательной деятельности. Хотя возможно, этот проект был для него не особенно интересен, как для историка, так как позднее он издал два солидных труда: биография «Лорд Саденхэм» (*Lord Sydenham, 1908*) и «Канада и ее провинции» (*Canada and Its Provinces, 1914*), где были главы по экономической истории.

В 1911 г. А. Шорт был избран членом Королевского общества Канады, в 1912 г. – президентом Канадской ассоциации политологии, а позже вице-президентом американской ассоциации политологии (American Political Science Association).

В это же время, Адам Шорт активно продвигал идею реформы государственного бюрократического аппарата, основанную на открытой конкуренции взамен существующего патронажа, направляя свои записки премьер-министру Р. Бордену и предпринимая попытки вовлечь университетское сообщество в процесс реорганизации государственной службы. Однако его усилия не увенчались успехом из-за малочисленного штата, выделенного для проведения реформы в жизнь, явного и неявного сопротивления процессу реформ членами Палаты общин, введения закона о военных мерах (War Measures Act of 1914), который приостанавливал действие закона о государственной службе (Civil Service Act). Поэтому в 1918 г. А. Шорт попросил своей отставки у премьер-министра с поста председателя правительственной комиссии по реорганизации государственной службы, чтобы вновь вернуться к историческим исследованиям. Но Роберт Борден предложил ему возглавить правительственную комиссию по историческим публикациям (a Board of Historical Publications) с положением и заработной платой заместителя министра и подчинения не-

посредственно президенту Тайного Совета. С одной стороны, эти исследования позволили систематизировать данные о конституционном развитии Канады и ее политической истории, наполнить смыслом понятие канадская идентичность, поставить нерешенные проблемы канадской истории перед молодыми историками, а с другой стороны, эта работа дала возможность Адаму Шорту продолжить свое любимое занятие – исследовать экономическую историю Канады.

После 1925 г. как экономический советник Лиги Наций А. Шорт ежегодно посещал Женеву, где получил доступ, а затем и владение примерно 100 тыс. листов документов торгового банка Лондона – «Братья Баринги и Ко. лимитед» (Baring Brothers & Co., Ltd.), которые касались экономической истории Канады за период 1820–1870 гг. и в частности документы, отражавшие участие Канады на международном рынке ценных бумаг.

Что касается представлений А. Шорта о канадском либерализме, то он как человек, увлеченный эмпирическими исследованиями, в отличие от Мориса Хаттона и Джеймса Кэмпона сумел отойти от канонов классического либерализма, считая, что придерживаться своих взглядов надо не верой, а знаниями, основанными на существующих объективных условиях. В журнале Квинс Квотерли (*Queen's Quarterly*) он писал: «Я не принадлежу к тем, кто верит в управление страной или в большую организацию по теории. Вы должны управлять ею на фактах... У меня, вообще, нет веры в политику, основанную на чувстве» [19, р. 356]. Эта склонность к получению понимания действительности посредством ее наблюдения была основной чертой характера А. Шорта. В своем изучении он использовал «многочисленные конкретные иллюстрации», чтобы объяснить действия правительства.

Один из советов Адама Шорта федеральной бюрократии заключался в том, что они должны «обменять свою элитарную точку зрения на социально-экономические перспективы, ревалентные XX веку» [20, р. 106]. Он считал, что ни *laissez-faire*, ни обширный государственный контроль экономики не могли быть приняты как абсолютные принципы: каждая доктрина была полезна только при определенных обстоятельствах и наличия особых фактов.

А. Шорт называл себя либералом в политике, хотя время от времени был разочарован капризами демократии, считая британскую систему представительного правительства самым высоким политическим достижением, годную для любой нации. Он всегда был враждебен к имперской централизации в любом формальном или действительном смысле, хотя он твердо придерживался единой культурной концепции Британской империи.

Как утверждает современный канадский исследователь Барри Фергюсон: «В отличие от многих из его современников, Шорт был примирителен с новым веком корпоративной и трудовой организации, он никогда не защищал необходимость отступления к аграрному прошлому и готов был признать, что в экономически незрелой стране, какой была Канада, фермеры – «самый многочисленный элемент в населении, и их интересы являются жизненно важными для благосостояния страны» [2, р. IV].

Свободная конкуренция под правительственным наблюдением, с охранением общественного интереса была ядром экономической мысли Шорта [18, р. 12–13].

В действительности он был переходной фигурой в среде канадских интеллектуаллов-викторианцев: либеральный эмпирик, образованный в идеалистической академической традиции, но все же пионер в развитии общественных наук (особенно экономической истории и политологии) в Канаде. Недаром его прозвище среди университетских интеллектуаллов было «шотландский либерал» [21, р. 111].

Арчибальд Маккеллер Макмечен (Archibald McKellar MacMechan, 1862–1933), романтический идеалист, был знаковой фигурой почти сорок лет в университете Дальхаузи, Новая Шотландия. Свое мировоззрение, идеи об искусстве и обществе он сформировал до начала XX в., поэтому тенденции нового века рассматривал как этическую и культурную анархию.

Он родился в Китченере, Онтарио в 1862 г. в ирландской семье преподобного пресвитерианца Джона Макмечена. Переболев в детстве полиомиелитом, он всю оставшуюся жизнь хромал. В восемь лет он потерял свою мать, дальнейшее его воспитание было поручено деду по линии матери, который жил в Гамильтоне. В последующем, закончив Торонтский университет, защитил докторскую сте-

пень в университете имени Джона Хопкинса (Johns Hopkins University) в г. Балтиморе, штат Мериленд, США.

В 1889 г. Арчибальд Макмечен был назначен в Дальхаузи профессором английского языка и литературы. Поселившись в понравившемся ему Галифаксе, Макмечен писал: «Я буду жить и умирать в Галифаксе» [16, р. 45]. Свой тихий дом на Виктория-Роуд он назвал – “Dolcefår” [дольче фа – с итальянского создающий сладость – (И.С.)].

По своим воззрениям А. Макмечен до конца жизни оставался идеалистом, и университетская общественность относилась к старшему поколению викторианцев. Его друг, Эдгар Пелхэм (Edgar Pelham) обращался к нему не иначе как «мой старый консерватор». До конца жизни Макмечен считал, что материальный мир был всего лишь тенью действительности, которая на самом деле была чрезвычайно духовной.

В политологии свое умеренное отношение к социализму Макмечен отверг после революции в России. Меркантилизм был связан в его уме с политической коррупцией, городскими трущобами и тяжелой работой рабочих на предприятиях с потогонной системой труда. Все это зло, по его мнению, в большей степени шло из США, сближению с которыми он надеялся противопоставить сильную имперскую связь с метрополией [8, р. 349].

В ходе своего критического и творческого письма А. Макмечен развивал идеи в области этики и литературы, которые, по его мнению, были альтернативой социальному теоретизированию. Считая литературу самой высокой деятельностью цивилизации, он действительно воспринимал поэта, как законного национального руководителя, а общество, постигшее высокое искусство, не нуждалось в развитии социальной мысли – она для него была в значительной степени лишней.

Джон Эндрю Макфэйл (John Andrew Macphail, 1864–1938) родился в 1864 г. на семейной ферме в Оруэлле, на острове Принца Эдуарда. После окончания местного колледжа он, решив стать врачом, в 1885 г. поступил в университет Мак Гилл и получил медицинскую степень в 1891 году. Будучи студентом, работал корреспондентом монреальской Гэззет (Gazette), а в 1890 г. стал аккредитованным корреспондентом чикагской Таймс

(Times) в Монреале. В 1891 г. американский газетный синдикат финансировал поездку своего корреспондента в Лондон, где Дж.Э. Макфейл имел возможность продолжить свои занятия медициной. В 1892 г. как член Королевской коллегии хирургов (Royal College of Surgeons) и дипломированный специалист Королевской коллегии врачей (Royal College of Physicians), Эндрю Макфэйл возвратился в Канаду. Последующие пятнадцать лет он занимался медицинской практикой, как патологоанатом, преподавал в Монреальском епископальном медицинском колледже (Bishop's College Medical School), участвовал в жизни малочисленного литературного клуба Пэн энд Пэнсил (Pen and Pencil Club), членами которого были также Стивен Ликок и Джон Маккрэ, редактировал сначала монреальский медицинский журнал (Montreal Medical Journal), а затем журнал медицинской канадской ассоциации (Canadian Medical Association Journal).

После безвременной утраты жены в 1902 г., в течение тридцати лет (1907–1937 гг.) Макфейл заведовал кафедрой истории медицины в университете Мак Гилл. В том же 1907 г. он стал редактором нового медицинского журнала (University Magazine), который спонсировали три университета: Торонтский, Дальхаузи и Мак Гилл. Журнал заявил о себе как форум «для обсуждения важных вопросов для Канады в области политики, промышленности, философии, науки и искусства» [21, р. 16]. Благодаря Э. Макфейлу, который сам был активным автором, в журнале публиковался и обсуждался материал на различные темы, начиная от проблем патентного права до важности обустройства городских детских площадок, от проблем роста милитаризма до упадка разговорного английского языка. Авторами были известные люди в англоязычной среде: Редьярд Киплинг, Артур Бальфур, Дж.Ш. Вудсворт, сэр Джордж Фостер и др. По замыслу редактора «журнал [должен был] пытаться сформулировать принципы для [политических деятелей], чтобы им следовать» [ibid., р. 17].

Э. Макфейл консультировал У. Лорье по вопросам военно-морского строительства, а сэра Роберта Бордена по вопросу границы штата Мэн – провинции Нью-Брансуик.

Однако участие Э. Макфейла в Первой мировой войне в составе медицинского кор-

пуса в Европе, и возникшие в его отсутствие финансовые проблемы у журнала, привели к тому, что в 1919 г. журнал был закрыт.

После окончания войны Э. Макфейл написал одну из самых спорных своих книг – «Официальная история канадских сил в Первой мировой войне, 1914–1919. Медицинские услуги», в которой с острой критикой отзывался о действиях канадского министра милиции и обороны Сэма Хаггиса (Samuel Hughes, 1853–1921) и начальнике медицинского управления, докторе Герберте Брюсе (Herbert Alexander Bruce, 1868–1963) (см.: [10]).

В 1935 г. Э. Макфейл посетил Советский Союз, где этот «красный тори» [13, р. 1, 3] «восхитился недорогим общественным транспортом, бесплатным образованием, жилищами рабочих, отсутствием забастовок и безработицы, сделав особый акцент на способностях и изменении профессионально-технического статуса рабочих... он одобрил определенные российские институты, но остался при своем предпочтении системы свободного предпринимательства» [21, р. 31].

В 1937 г. Э. Макфейл покинул университет Мак Гилл и оставшиеся дни жизни провел в Оруэлле, на острове Принца Эдуарда.

Послевоенные социальные и политические изменения Э. Макфейл не принял, считая, что «социальная ткань распадается, а старое остается в мрачной изоляции» [9, р. 173–174]. Он полагал, что государство строится на внутренней дисциплине каждого индивидуального человека, которая стала результатом систематического повиновения законам, наложенным по своей природе, против которых бесполезно бороться силой, поэтому «попытки изменить этот естественный порядок, изменяя материальные обстоятельства бедных или изрекая риторику демократического равенства, были бесполезны» [11, р. 530]. По мнению Э. Макфейла: «Обывателем среднего класса стал фабричный рабочий, более несчастный, чем македонский пастух и менее эффективный, чем китайский крестьянин, он получил политическую свободу и пожертвовал внутренней свободой» [12, р. 554]. Канадский либеральный реформизм был подвергнут резкой критике Макфейла: «Одинаково бесполезными были схемы социальной помощи, которые разрушили небольшие инициативы, которыми обладали бед-

ные. В этой атмосфере вырождения существование стало сложным и бессмысленным, достаточно обширным и запутанным, когда повседневная жизнь становится перевязанной телефонами, трамваями, [и] службами доставки всех видов» [12, р. 554].

Итоги исследования влияния канадских интеллектуалов на развитие политической культуры в начале XX в. заключаются в следующих выводах. Перечисленные в настоящей статье персоналии почти все были связаны с работой в канадских университетах и кроме канадского университетского образования получили или продолжили образование в университетах Глазго и Лондона, поэтому на них сильно повлияли английские и шотландские авторы, на них они чаще всего ссылались в своих академических работах, через которые в том числе, несли и британскую политическую культуру, поэтому их принято объединять термином – либералы-викторианцы. Хотя все они были знакомы с британской социалистической мыслью – фабианством, мысль о социальном преобразовании в канадском обществе они рассматривали только лишь через повышение морали, образование низших классов и соблюдение элитарных монархических устоев. В канадской политической культуре начала XX в. американское влияние было «периферийным», а идеи Чикагской социологической школы были не востребованы, как и не востребована европейская континентальная мысль таких авторов, как М. Вебер, Э. Дюркгейм и К. Маркс. Свое время интеллектуалы-викторианцы воспринимали как социальный кризис, а их политическими темами чаще всего становились проблемы империализма, религии, образования и феминизма. Они оказывали достаточное влияние на канадскую политическую элиту в вопросе дальнейшего развития канадской нации и государства, но выражая скорее свои собственные уникальные представления о современном обществе, которые не отражали взгляды широкой общественности на идущие социальные процессы.

Примечательной особенностью канадской интеллектуальной элиты в этот период было ее неучастие в практической политике. Они предпочитали ограничиваться критическими выступлениями в академических журналах, а также участием в дискуссионных клубах далеких от

прямой партийной политики, хотя некоторые из них считали своим долгом, участвовать в качестве экспертов по отдельным вопросам в правительственных комиссиях, либо были канадскими членами в международных организациях.

Развитию политической культуры в Канаде в этот период способствовало появление новых дисциплин: экономической истории, политэкономии, социологии, а их практический уклон отразил два подхода канадских интеллектуалов к этому процессу: первый, заключался в идеалистическом ответе, который заключался в том, что мир был большей частью духовной действительности, которую человек мог познать только посредством интуитивного восприятия. Интеллектуалы сознательно отстраняли себя от «коммерциализации» (commercialism) и «мелкой политики кленового листа» (petty maple-leaf politics); второй – заключался в поддержке старых стереотипов викторианской эпохи, а наступательный эмпиризм, в его различных формах – прагматизме, реализме, позитивизме – был связан с материальным миром, где социальная политика могла быть эмпирическим наблюдением за происходящей действительностью, поэтому, несмотря на то, что некоторые из них продолжали жить в межвоенное время, никто из них не создал каких-либо существенных научных работ по социальному преобразованию канадского общества, все их работы были обращены на изучение прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Christian, W. Parkin: Canada's Most Famous Forgotten Man / W. Christian. – Toronto : Blue Butterfly, 2008. – 349 p.
2. Ferguson, B. Remaking Liberalism The Intellectual Legacy of Adam Shortt, O.D. Skelton, W.C. Clark, and W.A. Mackintosh, 1890–1925 / B. Ferguson. – Montreal : McGill-Queen's University Press, 1993. – 303 p.
3. Grant, G. M. Canada and Canadian Question: A Review / G. M. Grant. – Toronto : Printed by C. Blakett Robinson, 1892. – 37 p.
4. Grant, G. M. Ocean to Ocean / G. M. Grant. – Electronic text data. – Toronto : James Campbell & Son, 1873. – 526 p. – Mode of access: https://archive.org/details/cihm_30275. – Title from screen.
5. Grant, W. L. George Monro Grant / W. L. Grant, F. Hamilton. – Toronto : Morang & Co, Limited, 1905. – 603 p.

6. Hutton, M. Many minds / M. Hutton. – Electronic text data. – Toronto : The Musson book company Limited, [19–] – 312 p. – Mode of access: <http://infomotions.com/etexts/archive/ia341036.us.archive.org/3/items/manyminds00hutt/manyminds00hutt.pdf>. – Title from screen.

7. Horowitz, G. Conservatism, Liberalism, and Socialism in Canada: An Interpretation / G. Horowitz // *The Canadian Journal of Economics and Political Science*. – 1966. – Vol. 32, № 2 (May). – P. 143–171.

8. MacMechan, A. Canada as a Vassal State / A. MacMechan // *Canadian Historical Review*. – 1920. – Vol. 1, № 4. – P. 347–352.

9. Macphail, A. Art in Democracy / A. Macphail // *Dalhousie Review*. – 1924. – Vol. 4, № 2. – P. 172–180.

10. Macphail, A. Official History of the Canadian Forces in the Great War, 1914–19, the Medical Services / A. Macphail. – Ottawa : F. A. Acland, Printer to the King Most Excellent Majesty, 1925. – 457 p.

11. Macphail, A. Protection and Politics / A. Macphail // *University Magazine*. – 1908. – Vol. 6, № 2. – P. 529–545.

12. Macphail, A. The Dominion and the Provinces / A. Macphail // *University Magazine*. – 1913. – Vol. 11, № 14. – P. 550–566.

13. Macphail, A. The Women of Leningrad / A. Macphail // *Saturday Night*. – 1935. – Vol. 50, № 42. – P. 1–3.

14. Mavor, J. My windows on the Street of the World / J. Mavor. – Electronic text data. – Toronto : J. M. Dent & Sons Limited, 1923. – 444 p. – Mode of access: <https://archive.org/details/mywindowsonstreet00mavouoft>. – Title from screen.

15. May, A. The Round Table, 1910–66 / A. May. – Electronic text data. – Mode of access: <http://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:ee7ebd01-f085-44e9-917b-98d21a0f4206>. – Title from screen.

16. McKay, I. Canada as a Long Liberal Revolution: On Writing the History of Actually Existing Canadian Liberalisms, 1840s–1940s / I. McKay // *Liberalism and hegemony: debating the Canadian liberal revolution* / ed. by J.-F. Constant, M. Duchar. – Toronto : University of Toronto Press Incorporated, 2009. – P. 357–452.

17. Parkin, G. R. Imperial Federation: The Problem of National Union London / G. R. Parkin. – London : Macmillan and Co, 1892. – 391 p.

18. Shortt, A. The Evolution of the relation between Capital and Labor Kingdon / A. Shortt. – Electronic text data. – Kingston : Queen's University, 1889. – 23 p. – Mode of access: https://archive.org/details/details/cihm_25861. – Title from screen.

19. Shortt, A. Random Recollections of Queen's, Part I / A. Shortt // *Queen's Quarterly*. – 1905. – Vol. 27. – P. 356–357.

20. Shortt, A. The intellectual life of America / A. Shortt. – Kingston : Queen's University, 1889. – 161 p.

21. Shortt, S. E. D. The Search for an Ideal: Six Canadian intellectuals and their convictions in an age of transition, 1890–1930 / S. E. D. Shortt. – Toronto : University of Toronto Press, 1976. – 218 p.

REFERENCES

1. Christian W. *Parkin: Canada's Most Famous Forgotten Man*. Toronto, Blue Butterfly, 2008. 349 p.

2. Ferguson B. *Remaking Liberalism The Intellectual Legacy of Adam Shortt, O.D. Skelton, W.C. Clark, and W.A. Mackintosh, 1890–1925*. Montreal, McGill-Queen's University Press, 1993. 303 p.

3. Grant G.M. *Canada and Canadian Question: A Review*. Toronto, Printed by C. Blackett Robinson, 1892. 37 p.

4. Grant G.M. *Ocean to Ocean*. Toronto, James Campbell & Son, 1873. 526 p. Available at: https://archive.org/details/cihm_30275.

5. Grant W.L., Hamilton F. *George Monro Grant*. Toronto, Morang & Co., Limited, 1905. 603 p.

6. Hutton M. *Many minds*. Toronto, The Musson book company Limited. 312 p. Available at: <http://infomotions.com/etexts/archive/ia341036.us.archive.org/3/items/manyminds00hutt/manyminds00hutt.pdf>.

7. Horowitz G. Conservatism, Liberalism, and Socialism in Canada: An Interpretation. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*, 1966, vol. 32, no. 2 (May), pp. 143–171.

8. MacMechan A. Canada as a Vassal State. *Canadian Historical Review*, 1920, vol. 1, no. 4, pp. 347–352.

9. Macphail A. Art in Democracy. *Dalhousie Review*, 1924, vol. 4, no. 2, pp. 172–180.

10. Macphail A. *Official History of the Canadian Forces in the Great War, 1914–19. The Medical Services*. Ottawa, F.A. Acland, Printer to the King Most Excellent Majesty, 1925. 457 p.

11. Macphail A. Protection and Politics. *University Magazine*, 1908, vol. 6, no. 2, pp. 529–545.

12. Macphail A. The Dominion and the Provinces. *University Magazine*, 1913, vol. 11, no. 14, pp. 550–566.

13. Macphail A. The Women of Leningrad. *Saturday Night*, 1935, vol. 50, no. 42, pp. 1–3.

14. Mavor J. *My windows on the Street of the World*. Toronto, J.M. Dent & Sons Limited, 1923. 444 p. Available at: <https://archive.org/details/mywindowsonstreet00mavouoft>.

15. May A. *The Round Table, 1910–66*. Available at: <http://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:ee7ebd01-f085-44e9-917b-98d21a0f4206>.

16. McKay I. Canada as a Long Liberal Revolution: On Writing the History of Actually

Existing Canadian Liberalisms, 1840s-1940s. J.F. Constant, M. Duchar, eds. *Liberalism and hegemony: debating the Canadian liberal revolution*. Toronto, University of Toronto Press Incorporated, 2009. 542 p.

17. Parkin G.R. *Imperial Federation: The Problem of National Union*. London, Macmillan and Co, 1892. 391 p.

18. Shortt A. *The Evolution of the relation between Capital and Labor Kingson*. Kingson,

Queen's University, 1889. 23 p. Available at: https://archive.org/details/cihm_25861.

19. Shortt A. Random Recollections of Queen's. Part I. *Queen's Quarterly*, 1905, vol. 27, pp. 356-357.

20. Shortt A. *The intellectual life of America*. Kingson, Queen's University, 1889. 161 p.

21. Shortt S.E.D. *The Search for an Ideal: Six Canadian intellectuals and their convictions in an age of transition, 1890-1930*. Toronto, University of Toronto Press, 1976. 218 p.

THE INFLUENCE OF CANADIAN INTELLECTUALS' IDEOLOGICAL VIEWS ON THE POLITICAL CULTURE IN CANADA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Sokov Ilya Anatolyevich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of International Relations and Area Studies,
Volograd State University
nsh@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volograd, Russian Federation

Abstract. The article analyses the political views of Canadian intellectuals which had influence on the formation of Canadian political culture at the turn of the 20th century. The author confirms that the Canadian intellectual thought was the main ideological factor in the conditions of the formation of Canadian statehood, undeveloped party and political system, the lack of deep traditions of the parliamentary system, insufficient political practice and the lack of distinct ideology of basic political parties in the process of forming the Canadian nation.

On the basis of studied Canadian sources, the author makes conclusion that the most of Canadian intellectuals did not participate directly in the political process and they considered themselves its bystanders. Besides, the Canadian intellectuals promoted the British political culture of the Victorian epoch. Although all of them were familiar with the British socialistic thought – Fabianism, they insisted that the social transformation in the Canadian society is possible only through the improvement of moral system, the education of lower social classes and the maintenance of elite monarch traditions. The American influence on Canadian political culture was peripheral at the beginning of the 20th century. The ideas of the Chicago Sociological School and the European continental thought were not used. The Victorian intellectuals understood their time as the social crisis and their political discussions were often devoted to the problems of imperialism, religion, education and feminism. They undoubtedly influenced the Canadian political elite in the matter of further development of the Canadian nation and state, but they expressed their own unique views on the contemporary society in academic press and in elite clubs discussions. They did not share the opinion of publicity about contemporary social processes, because their position was far from the direct party policy.

Though some of them participated as the experts in the government commissions and in the international organizations, and doing so, they influenced the process of making political decisions.

The Canadian Victorian intellectuals considering themselves bystanders of contemporary social processes, created the background for smooth evolution transition to the policy of social transformation, the development of unique Canadian liberal tradition and the creation of the social welfare state in the middle of the 20th century.

Key words: Canadian political culture, Canadian intellectual thought, Canadian policy, imperial federation, commercial union, nation-building, Canadian statehood.